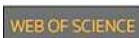

Леонтьева Т. В. Языковые индексы единения и вражды / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 70—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87.

Leontyeva, T. V. (2022). Language Indices of Unity and Animosity. *Nauchnyi dialog*, 11 (10): 70-87. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87

Языковые индексы единения и вражды

Леонтьева Татьяна Валерьевна
orcid.org/0000-0002-7213-1582
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
языков массовых коммуникаций
t.v.leontieva@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
за счет средств гранта
Российского научного фонда,
проект № 20-68-46003
Семантика единения и вражды
в русской лексике и фразеологии:
системно-языковые данные и дискурс

Language Indices of Unity and Animosity

Tatyana V. Leontyeva
orcid.org/0000-0002-7213-1582
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of Mass Communication Languages
t.v.leontieva@urfu.ru

Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project No. 20-68-46003
“The Semantics of Unity and Animosity
in Russian Lexis and Phraseology:
Language System and Discourse”

© Леонтьева Т. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты реализации научного проекта «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс», поддержанного Российским научным фондом. В основу положен тезис о том, что язык выступает способом индексирования референтов — реалий и представлений о действительности. Семантико-мотивационный подход к исследованию лексики и фразеологии единения и вражды подтверждает, что способы концептуализации действительности характеризуются регулярной воспроизводимостью. Изучение семантики слов, особенно в контексте изменений в лексическом составе русского языка, так или иначе затрагивает вопросы не только языковедческие, но и мировоззренческие. На примерах показано, что языковая единица «в одиночку» может служить культурным знаком в случае, если высокоспецифична для исторической эпохи. Исследование массивов новых слов признается информативным для решения прикладной задачи мониторинга социокультурных трансформаций. Сообщается, что исполнителями проекта подготовлены «Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» (2021) и «1000 слов единения и вражды начала XXI века: идеографический словарь» (2022).

Ключевые слова:

лексикографирование неологизмов; семантика вражды; семантика единения; языковой индекс.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

The results of the implementation of the scientific project “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse” supported by the Russian Science Foundation are presented. It is based on the thesis that language acts as a way of indexing referents — realities and ideas about reality. The semantic-motivational approach to the study of the vocabulary and phraseology of unity and enmity confirms that the ways of conceptualizing reality are characterized by regular reproducibility. The study of the semantics of words, especially in the context of changes in the lexical composition of the Russian, one way or another affects not only linguistic, but also worldview issues. The examples show that a linguistic unit “alone” can serve as a cultural sign if it is highly specific for a historical era. The study of arrays of new words is recognized as informative for solving the applied problem of monitoring sociocultural transformations. It is reported that the executors of the project have prepared “A Dictionary of Actual Vocabulary of Unity and Animosity in the Russian at the Beginning of the 21st Century” (2021) and “1000 Words of Unity and Animosity at the Beginning of the 21st Century: An Ideographic Dictionary” (2022).

Key words:

lexicography of neologisms; semantics of enmity; the semantics of unity; language index.

Языковые индексы единения и вражды

© Леонтьева Т. В., 2022

1. Введение = Introduction

Комплексное описание и систематизация лексико-фразеологических средств выражения семантики единения и вражды в русском языке как сопряженной с реальной коммуникацией и представлениями о ней проводились в рамках проекта «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс», поддержанного Российским научным фондом.

В качестве исходного был принят тезис, что слова служат объективной формой, «упаковкой» значения, которая дискретно отражает реальность, поэтому необходимо изучать слова, их значения и особенности функционирования, системно-языковые связи и контекстные смыслы, чтобы установить объем и содержание понятий. Ср. научные позиции зарубежных коллег: «Traditional theories conceptualize language as a way to index referents, a shortcut to access meaning, or a way to access meaning through words associations» [Words as social tools ..., 2019, p. 120] (Традиционные теории концептуализируют язык как способ индексирования референтов, ярлык для доступа к значению или способ доступа к значению через ассоциации слов) (здесь и далее перевод наш. — Т. Л.).

Обстоятельного исследования заслуживают номинации, описывающие отношения людей, их роли, статусы, взаимодействия, социальные умения, поскольку социум претерпел существенные изменения на рубеже XX и XXI веков. Мы называем объект наших исследований *социальной лексикой*, подразумевая слова, для которых референтом выступают социальные феномены.

Помимо имен явлений, действий, качеств человека, среды, окружения, форматов коммуникации, можно также принимать во внимание социальные коннотации — смыслы, дополняющие денотативное значение многих слов, служащие ограничительными семами в структуре значения номинаций разнообразных реалий.

В зарубежной лингвистике используется термин *социальное значение*, который указывает на социальные семы и коннотации в составе значения языковой единицы: «The term *social meaning* identifies the constellation of traits that linguistic forms convey about the social identity of their users — for example, their demographics, personality and ideological orientation. A central

topic of research in sociolinguistics and linguistic anthropology, this category of meaning has traditionally escaped the scope of semantics and pragmatics» [Beltrama, 2020] (Термин *социальное значение* определяет совокупность черт, которые языковые формы сообщают о социальной идентичности своих пользователей, например, их демографические характеристики, личность и идеологическая ориентация. Эта категория значения, являющаяся центральной темой исследований социолингвистики и лингвистической антропологии, традиционно выходит за рамки семантики и прагматики).

Указанные исследовательские подходы смыкаются в зоне экстралингвистического содержания слова, которая, несомненно, находится в фокусе интересов не только лингвистов, а гуманитариев вообще безотносительно к их специализации, поскольку необходима оценка эффектов глобализации, принесшей человечеству одновременно и коммуникационные преимущества, и социальные катаклизмы, ср.: «The promotion of longstanding public values such as tolerance, democracy, and transparency are increasingly compromised by the global ‘exports’ of American tech companies which dominate the online infrastructure for the distribution of online cultural goods: news, video, social talk, and private communication» [van Dijck, 2020] (Продвижение давних общественных ценностей, таких как терпимость, демократия и прозрачность, все больше подрывается глобальным «экспортом» американских технологических компаний, которые доминируют в онлайн-инфраструктуре, предназначенной для распространения «товаров онлайн-культуры»: новостей, видео, социальных разговоров и личного общения).

Современное общество определяется как вступившее в новый историко-культурный этап развития, и констатируемые изменения в разной степени (большей или меньшей) приняты людьми. Они неодинаково вовлечены в новые коммуникативные форматы. Например, зарубежные ученые вводят понятие «digi-grasping» [Dufva et al., 2019] (цифровое схватывание, или цифровая включенность), подразумевая под ним знание и понимание новых коммуникативных явлений, тенденций, их приятие и включенность человека в новую среду, готовность человека жить в обществе по новым принципам организации связей между реальностью и виртуальной действительностью. Степень погружения в цифровую среду оценивается посредством различения четырех режимов бытия и действия в цифровом мире: «ignogance», «awareness», «empowerment», «transformation» [Ibid.] (невежество, осознание, расширение прав и возможностей, трансформация). «Степень принятия» новой среды людьми разных поколений выражается, по нашим наблюдениям, и в восприятии ими новых или актуализировавшихся языковых единиц. Различия также лежат в широком диапазоне от отрицания и осуждения языковых инноваций до их активного, некритично осуществляемого использования.

В целом же невозможно отрицать, что язык интенсивно и волнообразно пополняется новыми единицами. Особенно много появилось номинаций, характеризующих социальную среду, общество и человека в нем. Трансформировались способы и средства взаимодействия людей, их участия в перманентно протекающих процессах солидаризации и разобщения. Слова, называющие коммуникативные явления, интересны тем, что они фиксируют содержание социальных отношений — как давно существующих, так и новых.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Комплексный характер исследования подразумевал несколько аспектов рассмотрения лексики и фразеологии указанной семантической области:

1) сбор лексики и фразеологии с семантикой единения и вражды и систематизация этого массива языковых единиц на семантических основаниях;

2) выявление актуальной лексики и фразеологии с семантикой единения и вражды на основе анализа текстов СМИ и различных жанров интернет-коммуникации за период 2000–2020 гг. и ее лексикографическое описание;

3) семантико-мотивационный анализ наиболее репрезентативных и ранее не получивших достаточного описания в лингвистических трудах номинаций со значениями из денотативной области «Единение и вражда», а именно исследование слов и фразеологизмов с точки зрения этимологии, мотивации, семасиологии, семантической деривации, этнокультурной специфики, а также выявление различий между представлениями, зафиксированными посредством языковых единиц из разных подсистем языка (жаргона, литературного языка, русских народных говоров);

4) дискурсивный анализ лексических маркеров вражды и единения, выполняемый на материале документов (текстов российского законодательства и политико-правовых документов: Конституции РФ, миграционного законодательства, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и др.), публицистики, а также жанров интернет-коммуникации (форумы, блоги, чаты и др.).

Комплексность исследования обеспечивалась объединением усилий специалистов, владеющих различными методиками анализа и имеющими взаимодополняющие научные профили: (1) фразеология и ее лексикографическое описание, (2) лексика и ее идеографическое описание, (3) тексты и дискурс-анализ.

Выборка слов осуществлялась путем фронтального просмотра словарей, картотек, текстов. Анализ лексического материала проводился с помощью методов семантико-мотивационной реконструкции, приемов идеографического, компонентного, этимологического анализа, лингвостатистики,

интерпретации контекстной семантики, анализа дефиниций. Применялись методы сопоставительного (контрастивного) анализа, систематизации, типологизации, обобщения сведений об особенностях лексической репрезентации семантики единения и вражды. Была продолжена апробация метода идеографической реконструкции номинативных множеств, уточнялись приемы структурирования лексико-семантических групп. Для выявления и описания языковых маркеров вражды и единения использовались возможности дискурсивного анализа, выполняемого преимущественно на материале документов, публицистики и таких жанров интернет-коммуникации, как форумы, блоги, чаты.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семантико-мотивационный анализ лексики единения и вражды

Когнитивные механизмы, то есть схемы моделирования знаниевых структур, обработки представлений с целью их преобразования в языковой знак, находят воплощение в лексике любого тематического класса. Накопление опыта интерпретации мотивировочных признаков, положенных во внутреннюю форму слова или буквальную основу фразеологизма, постепенно, в течение многих лет ведется филологами. Этому посвящены и наши предшествующие работы, включая подготовленные при поддержке Российского научного фонда, а также исследования коллег, участников научного коллектива, и — шире — всех лингвистов, уделяющих специальное внимание исследованию мотивации и семантической деривации языковых единиц, в том числе если это номинации человека, его характеристик, реалий социальной жизни.

Семантико-мотивационный подход к исследованию лексики и фразеологии единения и вражды подтверждает, что способы концептуализации действительности характеризуются регулярной воспроизводимостью.

Идиомы демонстрируют способность к генерализации мотивационного признака в образной или неметафорической форме. Например, обороты *друг прямой*, *кровный друг*, *мирный друг* имеют в качестве значимых семантических компонентов своей структуры дифференциальные признаки ‘откровенный, основанный на абсолютном доверии’, ‘близкий по духу или социальному происхождению (аналогично биологическому родству)’, ‘живущий в согласии в мире без вражды’; в большинстве своем эти смыслы согласуются с традиционным для русской лингвокультуры содержанием понятия «дружба», то есть значения атрибутивов *прямой*, *кровный*, *мирный* дублируют семантические признаки, существенные в структуре значения определяемого слова *друг* [Леонтьева, 2020].

Воплощенные во фразеологии метафоры, конструируемые на основе одного предметно-тематического кода (сферы-источника), способны образовывать образные подсистемы, разворачиваться в виде фреймов, что особенно продуктивно для выражения смыслов единения и вражды за счет конструирования проекции между сферой человеческих отношений и моделью организации природного сообщества как экосистемы, предполагающей или исключающей сосуществование видов живых существ. Например, в русской орнитологической ролевой иерархии сокола и сокол выступают как непримиримые соперники, одна мысль о содружестве которых кажется абсурдной: *Дошли странные вести, что сокол с сорокой летают вместе; Дошли до невежи старинные песни, что сокол с сорокой летают вместе*. Во фразеологии эталоном вражды также выступает «несовместимость» сойки с другой хищной птицей — орлом: рус. *Воробьям до сорок далеко, не то, что до орлов*; белор. *Над пешым арлом і сарока з калом*; укр. *Над пішим орлом і сорока з колод; Куди орли літають, туди сорок не пускають; Дружні сороки і орла заклюють*. В определенной «конкуренции» с сойкой находится и сова, сыч (укр. *пугач* — ‘филин’): рус. *У совы, сидящей в дупле, сойка не спрашивает новостей*. В одном сюжете могут уместиться идеи единения (сойкинского «содружества») и вражды (противостояния между союзом соек и другими, более крупными или более сильными, хищными птицами), а на уровне семантики в этом случае реализуется идея возможности образования временного союза для борьбы, войны, победы над врагом: *Дружные сойки и гуся едят; Дружные сойки и гуся едят, дружные чайки и ястреба забьют; Дружные сойки и гуся утащат; Разрозненные гуси добыча для сплоченных соек*; укр. *Як дружні сороки, то й гуску з'їдять* [Леонтьева и др., 2022а, с. 73]. Такие конклавы образов способны метафорически запечатлеть сложные конфигурации человеческих отношений и коммуникативных ролей.

В случае вторичной номинации значение слова преобразуется согласно потенциам языка, а именно — сложившимся в нем регулярным семантическим моделям, которые могут характеризоваться неодинаковой продуктивностью.

Одно мотивационное основание имеет свойство порождать различные метафорические воплощения, а число частных метафорических реализаций накапливается посредством вовлечения в образную орбиту новых языковых элементов в качестве строительного материала.

В свою очередь один и тот же образ может иметь потенциал к референции с различными семантическими сегментами. К таким сильным, универсальным культурным знакам можно отнести образы, закрепленные за языковыми единицами *Бог, душа, болото*, активно участвующими в выражении смыслов единения и вражды между людьми.

Так, нами собран и системно описан материал, показывающий, что слово *болото* способно служить характеристикой состояния человеческого общества. Лексема функционирует в современной литературной речи в составе сочетаний *общественное болото*, *провинциальное болото*, *болото московской жизни* и под. Словарные данные позволяют выявить особенности лексикографической фиксации сведений о значениях анализируемого слова. Словари древнерусского языка отразили с XII по конец XV веков лишь прямое, ландшафтное значение слов *בלото* и *болото*. Для церковно-богословского дискурса XVII века характерно функционирование церковнославянизма *בלото* в роли обозначения этической категории греховности, безнравственности, то есть «нравственной грязи», при этом в текстах частотно воспроизводится оппозиция *בלото* — *בלото*. В XVIII веке фиксируются первые контексты, в которых *болотом* называется нежелательная социальная среда, куда попал человек. Затем социальная семантика *болота* получает глубокую разработку. Развитие антропологической семантики в данном гнезде стало возможным с опорой на фундамент, уже сложившийся в русских народных говорах. В народной речи обнаруживаются истоки двух деривационных векторов в гнезде слова *болото*: (1) ‘топь, дикое труднодоступное место’ > ‘глушь, провинция, отдаленная от крупных центров социальной жизни’; (2) ‘локус с его обитателями’ > ‘родина’. В других европейских языках есть сходные тенденции. В частности, в немецком языке слово *Sumpf* ‘болото’ входит в состав выражений с внутренней формой «опуститься в болото», обозначающих переход в более низкий социальный класс и нравственное падение. Вероятно, развитие социальной оценочности слова *болото* в русском литературном языке шло под влиянием европейских языков, особенно немецкого (через переводную литературу послепетровской эпохи). Анализ контекстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка, позволил установить, что наиболее причудливо вторичная семантика антропоцентрического характера развилась у географического (ландшафтного) термина *болото* в книжно-письменной традиции. Метафора болота привлекается для характеристики (1) провинциальной глуши, (2) малой родины, (3) застоя общественно-политической жизни, (4) общества с извращенными нравами; (5) коллектива, в котором царят интриги и нечестные способы конкуренции; (6) семейного быта. Таким образом, постепенно обогащаясь новыми оценочными смыслами и коннотациями, воплощенными в словосочетаниях, концепт БОЛОТО в XVIII веке обрёл (под влиянием европейских литературных языков) чекан социальной характеристики, которая усиливалась и детализировалась в контекстах писателей и публицистов XIX—XX веков. Опыт системной интерпретации социальной семантики слова *болото* представлен в публикации [Леонтьева и др., 2021a].

В перспективе семантико-мотивационный анализ лексики единения и вражды может быть продолжен, поскольку этот фонд слов необъятен и многое еще осталось за пределами внимания.

3.2. Лексика единства и вражды как средство индикации ценностных приоритетов

Изучение семантики слов, особенно в контексте изменений в лексическом составе русского языка, так или иначе затрагивает вопросы не только языковедческие, но и мировоззренческие.

Само по себе присутствие слова в словарном фонде еще никак не характеризует носителей этого языка и этнос по человеческим качествам или образу жизни людей: наличие слова *совесть* не означает, что русские совестливы, слова *друг* — что они дружат или дружба для всех без исключения превыше всего, слова *водка* — что русских одолело пьянство и т. д.

Также появление новых слов не всегда доказывает новизну реалий. Так, фиксация слова *газлайтинг*, сравнительно недавно вошедшего в употребление в русском языке, совсем не свидетельствует о том, что никогда не было такого явления в сфере отношений людей, однако для него не было названия.

Слово или фразеологизм — ***языковая единица, которая «в одиночку» может служить культурным знаком*** в случае, если высокоспецифична для какого-либо отрезка на векторе исторического времени. Так, на разломе, обусловленном переходом к цифровому сообществу, хорошо опознаваема специфичность для новой культуры (на фоне чуждости для предшествующих поколений носителей русского языка) слов *шинпер*, *шинперить*, называющих новый коммуникативный феномен — мечтание о чужой любовной связи людей, иногда незнакомых между собой, или персонажей фильмов, игр. Этот феномен представляет собой гибридный конструкт из реальных и виртуальных участников и связей между ними. В его составе обязательными компонентами являются следующие: «публичная личность» (иногда — цифровой инфлюенсер), «наблюдение за жизнью других людей в соцсетях», «фантазии о любовной связи других людей (не своей)», «публичное сообщение о своих фантазиях», «образование интернет-группы по общности интереса к несуществующим, выдуманном, ставшим предметом мечтаний отношениям», «творчество, создание произведений, художественное воплощение фантазии» [Leontyeva, 2021].

Лингвистический инструмент в данном случае позволяет ясно увидеть тесную связь между языком, мышлением и социальным поведением людей. Человек приобретает новые модели поведения в социуме, а значит, он мыслит иначе, чем люди в иных, предшествующих социальных условиях, и это изменившееся мировоззрение находит выражение в языке, притом не только в тексте с его способностью выражать любые мысли, в том числе

составляющие концептуальную оппозицию, но и в слове, беспристрастном имени материальной или идеальной реалии.

Если одно слово или выражение обладает культурной спецификой лишь в уникальных случаях — когда принадлежит к ключевым (или хотя бы специфичным) словам культуры, то лексический пласт неологизмов в социокультурном отношении существенно более информативен.

Так, планомерный сбор материала для словарей актуальной лексики XXI века [Леонтьева и др., 2021б; Щетинина, 2022] позволил панорамно взглянуть на массив языковых единиц и сделать ряд обобщений относительно того, в каких семантических сферах *интенсифицировался процесс номинации*. Например, в интернет-дискурсе функционирует много наименований людей по поведению в виртуальной коммуникации (*кацениты*, *ТВНщик*, *хोलиварщик* и др. [Ребрина, 2021]), что закономерно: новые реалии требуют имен. В медиадискурсе и научных текстах, ориентированных на осмысление общественных явлений, продуцируются наименования для маркировки социокультурной тенденции — популярности открытого выражения испытываемых эмоций в публичном пространстве: *новая искренность* [Иссерс, 2020; Леонтьева и др., 2022б], *пристрастие к драме* и *публичная чувствительность* [Ребрина, 2022, с. 152], *новая чувствительность* [Кошкарова, 2021].

В связи с этим перспективной нам кажется идея анализа массива лексики (не отдельных языковых единиц) в ракурсе *реконструкции аксиологического профиля слова или группы слов*. Каждая группа слов не обязательно называет какую-либо ценность, однако же ставит на повестку аксиологическую категорию. Так, ценность «психологическое здоровье» занимает одну из сильнейших позиций в ряду ценностей современного носителя языка, если судить по степени активности пополнения и детальности семантической разработки таких групп, как «способы психологического давления» (*газлайтинг*, *буллинг*, *моббинг*, *абьюз*, *боссинг*), «культура тотальной безопасности» (*сейфтизм*), «культура принятия нестандартной внешности» (*бодипозитив*, *бодишейминг*), «характеристика человека с позиций того, приятен и тактичен ли он в общении» (*душный человек*, *позитивный человек*, *друг-враг*), «отказ от рефлексии и планирования» (*в моменте*, *жить настоящим*), «культивирование чувствительности» (*поколение снежинок*, *ванильки*) и др. Такой подход позволит в будущем оценивать аксиологический потенциал новой лексики того или иного периода развития языка.

3.3. Амбивалентность единства и вражды

Категории единства и вражды, изучаемые нами через призму анализа языковых средств, проявляют взаимообратимость, истоки которой лежат

в устройстве мира, в его диалектике — законе единства и борьбы противоположностей.

Например, единение амбивалентно, так как не может быть всеобщим. Например, процесс образования коллектива одновременно означает отделение и противопоставление группы всем прочим, оставшимся за ее пределами. К тому же единение вовсе не означает образование союзов и общностей исключительно для благих целей. Социальные явления находят выражение в языке. Так, в последние десятилетия появилось значительное количество фразеологизмов, называющих мероприятия, объединяющие людей для протестов не только в России, но и в других странах (*белоленточное движение, блестящий марш, оранжевая революция* и др.). Фразеологизмы используются как эффективные речевые средства политтехнологий для реализации коммуникативных задач: звучность, привлекательность названия общественно-политической акции оказывает влияние на носителей языка, а значит, на их восприятие самой такой акции и готовность принять в ней участие. Таким образом, единение людей выступает инструментом их политического размежевания и составляет основу противостояния групп населения.

Другой вариант амбивалентности состоит в коммуникативной практике «опасной близости»: тот, кто наиболее близок, способен нанести более всего вреда. Реальностью различных сценариев отношений живущих рядом людей объясняется диалектический и этимологический синкретизм слова *сосед*, в основе которого лежит культурный антагонизм своего и чужого (сосед, как и гость, — одновременно свой, близкий, и чужой, способный навредить): «Образ соседей в русской и инославянской паремиологии замечателен соединением, с одной стороны, одобрительных смыслов, издавна чествующих всю необходимость и прагматическую пользу общежития в традиционном социуме, а с другой — уничижительных коннотаций, прочно закрепившихся в негативном опыте неудавшегося, но неизбежного сосуществования жителей ближних домов, дворов, улиц» [Леонтьева и др., 2021в, с. 171].

Еще одна вариация на тему амбивалентности отношений: появление негативного коннотативного шлейфа или отрицательной контекстной семантики у лексем из поля «Единение» фундировано опытом коммуникации, который свидетельствует о том, единение может оказаться ложным, ненастоящим. Это подтверждают коллокации *нездоровые отношения, амбивалентные отношения*. Так, дружба дисквалифицируется, если она не выдерживает проверки на «настоящность» (истинность), что только подтверждает эталонный аксиологический статус этого вида отношений: дружба должна быть настоящей, это идеальная категория, а слово — имя настоящей, безусловной ценности, одобряемой обществом. «Ненастоящая дружба» маркиру-

ется рядом номинаций: *личина дружбы, собачья дружба, как дереву с огнем дружить* [Мокиенко, 2020, с. 174], *друг-враг* [Леонтьева и др., 2020], *женская дружба* [Щетинина и др., 2022], *токсичная дружба* и др.

Таким образом, амбивалентность обозначений единения проявляется и на уровне иронических коннотаций, встроенных в структуру значения колокаций из семантического поля единения (*женская дружба*), и на уровне словообразовательной модели, объединяющей антонимическую пару, то есть компоненты из противоположных семантических секторов «Единение» и «Вражда» (*друг-враг*), и на уровне фразеологии в случае опять же соединения в составе выражения слов, противоположных по знаку характеристики отношений (*токсичная дружба*).

3.4. Слово в тексте: возможности дискурс-анализа

В названии проекта был сделан акцент на одновременном привлечении системно-языковых данных и дискурса в качестве материала исследования. Принципиальной была установка на их рассмотрение во взаимодействии, пересечении друг с другом. Вообще говоря, речевая агрессия остается неизменно популярным объектом научных изысканий именно с позиций поведения и интенций собеседников, выбора ими определенных способов воздействия, с точки зрения функциональной стилистики, композиционной организации текста, характеристики языковой личности участника, продуцирующего текст, коммуникативных тактик и стратегий, вопросно-ответных единств в конфликтном диалоге, судебно-экспертной оценки ксенофобских материалов и под., ср. содержание книги [Язык вражды ..., 2007]. Однако в данном проекте речевые средства и способы реализации семантики единства и вражды не являлись предметом описания.

Осмысление дискурсивных практик проводилось нами прежде всего с фокусировкой на категории «*слово в тексте*», то есть в ракурсе выявления текстовых реализаций лексем с семантикой единения и вражды. Были приняты во внимание два аспекта дискурс-анализа.

Первый аспект предполагал анализ распределения в тексте языковых единиц, принадлежащих общенародному словарному фонду, или выявление особенностей различных дискурсов в репрезентации смыслов единения и вражды лексическими средствами. В частности, специальное внимание уделено словам *угроза, конфликт, нетерпимость, вражда*, морфемам *-един-, -цел-, -обще-, меж- / между-, взаимо-, против-* и др. как средствам **конструирования определенных смыслов в тексте**. Важны при этом его жанровые характеристики, поскольку, например, тексты документов разительно отличаются от медиадискурса, или коммерческих текстов, или записей и обсуждений в личных блогах интернет-пользователей в смысловых приоритетах и выборе лексических средств моделирования концептуаль-

ного пространства текста. Таким образом, в поле зрения Т. В. Дубровской, Л. Н. Ребриной, Т. В. Щетининой находились отдельные стороны лексической организации текста. Наблюдения над текстом с точки зрения доминирования того или другого семантического регистра из двух возможных (единения или вражды, солидаризации или противостояния) изложены в ряде публикаций. Например, выяснено, что диалогические / полилогические жанры интернет-коммуникации характеризуются активным функционированием разнообразных обозначений враждебного субъекта, большая часть из которых представляет собой англицизмы и их дериваты; использованием данных лексических единиц чаще всего для указания на класс субъектов / его типичного представителя, реже (в зависимости от семантики лексем и жанров интернет-коммуникации) — для оценки конкретного субъекта или самопрезентации; тенденциями к интеллектуализации и трансгрессивности при реализации оценочного информирования [Ребрина, 2021, с. 88]. При сравнении текстов документов и текстов рекламы комментировались их специфика и особенности репрезентации искомым смыслов: «В коммерческих рекламных текстах словосочетание *национальное единение* не встречается, что вполне объяснимо, поскольку данный тип рекламы ориентирован на привлечение внимания целевой аудитории к продукту и услуге, а не на формирование национального самосознания граждан. Поэтому и прилагательное *национальный* встречается крайне редко. Однако в вербальной части презентации продукта или услуги в рекламном тексте в ряде случаев можно обнаружить воплощение идеи национального единения, которая без использования слов *национальное* и / или *единение* продуцирует семантику единства» [Щетинина и др., 2021, с. 22]. В. М. Мокиенко, изучая, как семантические характеристики лексемы *враг* и некоторых ее синонимов реализуются во фразеологическом и паремиологическом фонде русского языка в структуре паремий трех типов — устойчивых сравнений (компаративов), поговорок (resp. фразеологизмов) и пословиц, — выявил количественные и качественные различия: «В составе устойчивых сравнений они относительно немногочисленны, в качестве компонентов фразеологизмов (resp. поговорок) семантически избирательны, как образные доминанты пословиц чрезвычайно активны и многоаспектны» [Мокиенко, 2022, с. 214]. Более того, лексический состав, актуализирующий семантику единения или вражды, различен даже в рамках одного типа дискурса, к примеру, институционального. Как замечает Т. В. Дубровская, «слова-носители обыденных языковых значений (преимущественно отглагольные существительные), обозначающие конфликтогенные действия, состояния, ситуации, характерны для текстов Концепций (например, Концепции внешней политики Российской Федерации, 2016. — Т. Л.), тогда как собственно юридический текст стремится

к меньшей диффузности смыслов и большей точности за счет применения обозначений юридических категорий, что позволяет репрезентировать конфликтогенную ситуацию не на бытовом уровне, а на уровне юридическом» [Дубровская, 2022, с. 4].

Второй аспект, проистекая из лексикографических задач проекта, был связан с мониторингом текстов СМИ и других интернет-ресурсов, нацеленным, с одной стороны, на поиск и фиксацию новых языковых единиц, недавно вошедших в речевую практику, с другой — на уточнение семантического объема нового либо ранее не описанного слова, структуры его значения, сочетаемости, грамматических и стилистических параметров для составления словарной дефиниции. Так, для слова *зайти*, функционирующего в роли предикатива, характерна реализация как в безличных конструкциях (*Молодым ребятам (в простонародье — школьники и студенты) зашло на отлично, но вот людям постарше не понравилась моя подача материала.* — habr.com, 2018 [AA]), так и в двусоставных (*После этого я сняла еще несколько роликов, которые неплохо зашли.* — journal.tinkoff.ru, 2021 [AA]). Зафиксировать его и сделать объектом лексикографического описания стало возможным именно благодаря методам включенного наблюдения над устной речью молодежи и дискурс-анализа, примененного по отношению к блогосфере, где оно широкоупотребительно и частотно в связи с обсуждением профильных тем массовой коммуникации: количества подписчиков, числа просмотров размещаемых записей («постов»).

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, отметим, что семантика единения и вражды цементирует множество текстов и языковых фактов, осмысление, анализ, описание которых следует продолжать, а точнее, осуществлять постоянно, для того чтобы совершенствовать модели идеографического структурирования и словарного представления соответствующего лексического множества и не упустить из внимания его обновления.

Участниками коллектива была проведена огромная работа в направлении подготовки лексикографических материалов и словарей. Изданы «Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» [Леонтьева и др., 2021б] и «1000 слов единения и вражды начала XXI века: идеографический словарь» [Щетинина, 2022], но, безусловно, дело фиксации новой лексики должно иметь продолжение.

Лингвисты, изучающие языковые данные с позиций аксиологии, ранее уже отмечали различия между традиционными и вновь формирующимися ценностями и их подвижность, динамический характер, периодичность усиления и ослабления значимости в сознания носителей языка, что

находит выражение в языке. Так, по мнению Ю. С. Степанова, ценность идеи («культурного концепта») «в определенные общественные периоды, в зависимости от общественной конъюнктуры, может “высвечиваться” или оставаться в тени» [Степанов, 2001, с. 4]. В связи с этим потенциал изучения неологизмов с позиций имплицитного или эксплицитного аксиологического компонента семантики пока остается недооцененным и ждет своего исследователя. Разработка этого подхода будет служить весомым аргументом в пользу того, что лингвистические методики могут использоваться как средство мониторинга состояния общества и прогнозирования социокультурных тенденций.

Литература

1. АА — *Архив* авторов.
2. Дубровская Т. В. Лексические маркеры конфликта и противостояния в правовых и политико-правовых текстах / Т. В. Дубровская // *Russian Linguistic Bulletin*. — 2022. — № 2 (30). — С. 1—6. — DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.30.25>.
3. Иссерс О. С. Грани “новой искренности” в современной политической коммуникации / О. С. Иссерс // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология*. — 2020. — Т. 19. — № 6. — С. 216—227. — DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227.
4. Кошкарлова Н. Н. Аксиологические характеристики дискурса новой чувствительности: как реальность отражается в языке / Н. Н. Кошкарлова // *Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. — 2021. — № 2 (46). — С. 53—68.
5. Леонтьева Т. В. Архаичные именованья друзей : об адъективных атрибутивах *кровные, прямые, мирные* / Т. В. Леонтьева // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание*. — 2020. — № 19 (6). — С. 58—68. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.6.5.
6. Леонтьева Т. В. Из восточнославянской паремиологической орнитологии : друзья и враги сороки / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // *Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье : научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 17—20 мая 2022 года)*. — Брянск : БГУ, 2022а. — С. 68—74. — ISBN 978-5-9734-0395-9.
7. Леонтьева Т. В. Метафора болота в характеристиках социума / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // *Вестник Томского государственного университета*. — 2021а. — № 465. — С. 13—21. — DOI: 10.17223/15617793/465/2.
8. Леонтьева Т. В. Репрезентация противоположностей в слове *друг-враг*: контекстный анализ / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // *Мир русского слова*. — 2020. — № 2. — С. 35—39. — DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12035.
9. Леонтьева Т. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2021б. — 424 с. — ISBN 978-5-91256-535-9.
10. Леонтьева Т. В. Соседи и соседство в восточнославянской паремиологии: сопоставительный анализ [Sosedí i sosedstvo v vostočnoslavjanskój paremiologii: sopostavitel'nyj analiz] / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // *Jezikoslovni zapiski*. — 2021в. — Вып. 27/1. — С. 171—188. — DOI: <https://doi.org/10.3986/JZ.27.1.10>.

11. Леонтьева Т. В. Сочетание новая искренность в лексикографическом аспекте / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2022б. — № 11 (6). — С. 183—201. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201.
12. Мокиенко В. М. Дружба и псевдодружба в баснях И. А. Крылова / В. М. Мокиенко // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем : К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко (7–8 декабря 2020 г., Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины). — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. — С. 170—176. — ISBN 978-985-577-686-5.
13. Мокиенко В. М. Образ врага в русской фразеологии и паремиологии / В. М. Мокиенко // Русистика. — 2022. — № 20 (2). — 203—216. — DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216.
14. Ребрина Л. Н. Семантика вражды : обозначения агрессивного субъекта в современной интернет-коммуникации / Л. Н. Ребрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20. — № 4. — С. 74—90. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.4.6.
15. Ребрина Л. Н. Хейт-шоу : реализация хейта как коммуникативного феномена / Л. Н. Ребрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2022. — Т. 21. — № 1. — С. 151—163. — DOI 10.15688/jvolsu2.2022.1.13.
16. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический Проект, 2001. — 990 с.
17. Щетинина А. В. 1000 слов единения и вражды начала XXI века : идеографический словарь / А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 586 с. — ISBN 978-5-91256-535-9.
18. Щетинина А. В. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. В. Щетинина, А. С. Семёхина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021. — № 1 (213). — С. 18—27.
19. Щетинина А. В. Женская дружба : анализ медиадискурса для составления словарной дефиниции / А. В. Щетинина, А. С. Семёхина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 163—177. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-163-177.
20. Язык вражды против общества : (сборник статей) / составитель : А. Верховский. — Москва : Сова, 2007. — 259 с. — ISBN 5-98418-008-1.
21. Beltrama A. Social meaning in semantics and pragmatics / A. Beltrama // Lang Linguist Compass. — 2020. — Vol. 14. — e12398. — DOI: 10.1111/lnc3.12398.
22. Leontyeva T. V. (2021). Daydreaming of internet users about a someone else's love relationship as a virtual vs real hybrid / T. V. Leontyeva // Communication Today. — 2021. — Vol. 12. — No. 2. — Pp. 46—57.
23. van Dijck, J. Governing digital societies: Private platforms, public values / J. van Dijck // Computer Law & Security Review. — Volume 36. — 2020. — 105377. — DOI: 10.1016/j.clsr.2019.105377.
24. Words as social tools : Language, sociality and inner grounding in abstract concepts / A. M. Borghi, L. Barca, F. Binkofski, C. Castelfranchi, G. Pezzulo, L. Tummolini // Physics of Life Reviews. — 2019. — Vol. 29. — Pp. 120—153. — DOI: 10.1016/j.plrev.2018.12.001.

References

AA — *Archive of authors*. (In Russ.).

Beltrama, A. (2020). Social meaning in semantics and pragmatics. *Lang Linguist Compass*, 14: e12398. DOI: 10.1111/lnc3.12398.

- Borghi, A. M., Barca, L., Binkofski, F., Castelfranchi, C., Pezzulo, G., Tummolini, L. (2019). Words as social tools: Language, sociality and inner grounding in abstract concepts. *Physics of Life Reviews*, 29: 120—153. DOI: 10.1016/j.plrev.2018.12.001.
- Dubrovskaya, T.V. (2022). Lexical markers of conflict and confrontation in legal and political texts. *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (30): 1—6. — DOI: 10.18454/RULB.2022.30.25. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2020). The facets of “new sincerity” in modern political communication. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 19 (6): 216—227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227. (In Russ.).
- Koshkarova, N. N. (2021). Axiological characteristics of the discourse of the new sensitivity: how reality is reflected in language. *Man: Image and essence. Humanitarian aspects*, 2 (46): 53—68. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. (2020). On Adjectival Attributives Blood, Direct, Peaceful as Components of Archaic Nominations of Friends. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 19 (6): 58—68. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.6.5. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. (2021). Daydreaming of internet users about a someone else’s love relationship as a virtual vs real hybrid. *Communication Today*, 12 (2): 46—57.
- Leontyeva, T. V., Mokienko, V. M. (2021). Sosed i sosodstvo v vostochnoslavjanskoj paremiologii: sopostavitel’nyj analiz. *Jezikoslovni zapiski*, 27/1: 171—188. DOI: <https://doi.org/10.3986/JZ.27.1.10>. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V., Mokienko, V. M. (2021). The SWAMP Metaphor in Characteristics of Society. *Tomsk state university journal*, 465: 13—21. DOI: 10.17223/15617793/465/2. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V., Mokienko, V. M. (2022a). From East Slavic paremiological ornithology: friends and enemies of the magpie. In: *Russian traditions of everyday linguistic culture in the Slavic borderlands*. Bryansk: BGU. 68—74. ISBN 978-5-9734-0395-9. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V., Shchetinina, A.V. (2020). Representation of opposites in the word friend-enemy: contextual analysis. *The World of the Russian Word*, 2: 35—39. — DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12035. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V., Shchetinina, A.V. (2021b). *Dictionary of actual vocabulary of unity and enmity in the Russian of the early XXI century*. Yekaterinburg: Azhur. 424 p. ISBN 978-5-91256-535-9. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V., Shchetinina, A.V. (2022b). Combination ‘New Sincerity’ in Lexicographic Aspect. *Nauchnyi dialog*, 11(6): 183—201. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (2020). Friendship and pseudo-friendship in the fables of I. A. Krylov. In: *Slavic phraseology and paremiology: traditional and innovative solutions to problems*. Gomel: GSU im. F. Skorina. 170—176. ISBN 978-985-577-686-5. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (2022). Image of the enemy in Russian phraseology and paremiology. *Russian Language Studies*, 20(2): 203—216. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216. (In Russ.).
- Rebrina, L. N. (2021). Semantics of Enmity: Aggressive Subject Naming in Modern Internet Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 20 (4): 74—90. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.6>. (In Russ.).

- Rebrina, L. N. (2022). Hate Show: Implementation of Hate As a Communicative Phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 21 (1): 151—163. — DOI 10.15688/jvolsu2.2022.1.13.
- Shchetinina, A. V., Semekhina, A. S. (2021). Language representation of the idea of national unity in the media discourse. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University, I* (213): 18—27. (In Russ.).
- Shchetinina, A. V., Semekhina, A. S. (2022). Female Friendship: Analysis of Phrase in Media Discourse and Drawing up a Definition. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 163—177. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-163-177. (In Russ.).
- Shchetinina, A. V. (2022). *1000 words of unity and enmity at the beginning of the XXI century: an ideographic dictionary*. Yekaterinburg: Azhur. 586 p. ISBN 978-5-91256-535-9. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2001). *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Academic Project. 990 p. (In Russ.).
- van Dijck, J. (2020). Governing digital societies: Private platforms, public values. *Computer Law & Security Review*, 36: 105377. DOI: 10.1016/j.clsr.2019.105377.
- Verkhovsky, A. (ed.). (2007). *Hate speech against society*. Moscow: Sova. 259 p. ISBN 5-98418-008-1. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.09.2022,
одобрена после рецензирования 15.11.2022,
подготовлена к публикации 23.12.2022.